

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

АТТЕСТАТОР

Антикор

Кирилл Казанцев

Аттестатор

«ЭКСМО»

2012

Казанцев К.

Аттестатор / К. Казанцев — «Эксмо», 2012 — (Антикор)

Агенты тайной антикоррупционной организации Андрей и Лора похищают продажного начальника ОВД и под угрозой смерти заставляют его рассказать о своих преступлениях. В процессе допроса им приходит сообщение от руководителя организации генерала Дугина. Он приказывает казнить «оборотня в погонах». Агенты в замешательстве: им приходилось убивать людей, но не так, ведь они не палачи. Что делать? Выполнять приказ или нет?.. Дилемма разрешается в одно мгновение и самым неожиданным образом...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кирилл Казанцев

Аттестатор

Глава 1

Полицейские, армейские, судейские да и вообще любые чины всегда говорят, что привилегированного положения в обществе они добились исключительно благодаря своему усердию и трудолюбию. Мол, в то время как остальные ныли, что им что-то и кто-то вечно мешает, ставит палки в колеса, недодает, мы, засучив рукава, работали в поте лица, поэтому и стали элитой. Что ж, таковые действительно встречаются. Но их считанные единицы, капля в море, погоды они не делают. Основную же массу выбросило на гребень волны стечение ряда определенных и, как правило, случайных обстоятельств. Проще говоря, им повезло оказаться в нужное время в нужном месте и познакомиться там с нужными людьми. Именно эти три фактора и являются залогом успеха, а рассказы про усердие и трудолюбие – сказки для наивных, и не более того.

В этом смысле показательна история Юрия Николаевича Чижа. В свое время, будучи старшим сержантом ОВД одного из подмосковных городов, он с сослуживцами отправился на традиционный субботний пикник. Далеко не поехали. Остановились в небольшой березовой рощице на окраине спального района. Жарили шашлыки, выпивали, распевали во все горло невероятно популярную на все времена песню «Подмосковные вечера». Так уж вышло, что в этом же лесочке отдыхала и компания из трех девиц. Естественно, поддатые менты в штатском пригласили их к себе на «огонек». Те не противились и приняли приглашение. Чиж сразу же положил глаз на белокурую Татьяну Смирнову, начал ее обхаживать. Девушка не стала давать от ворот поворот назойливому кавалеру, а, наоборот, начала с ним заигрывать. Короче, слово за слово, и они обменялись телефонами. Потом, как это обычно бывает на первых порах у влюбленных, были романтические встречи, совместные походы в кино-рестораны, знакомство с ее родителями. И только на последнем свидании старший сержант с удивлением узнал, что отец Татьяны занимает высокий пост в Министерстве внутренних дел и может поспособствовать его карьерному росту.

По этой ли причине или не по этой, но в скором времени Чиж женился на Смирновой. После чего, как говорится, пошла настоящая пруха. Не блещущему на службе старшему сержанту максимально быстро было присвоено звание капитана, чуть попозже – после окончания академии – майора, а затем он и вовсе взлетел до подполковника, заняв при этом пост начальника Отдела внутренних дел своего родного подмосковного города. Отец Татьяны предлагал своему зятю дальнейшее продвижение с последующим переездом в Москву. Но Юрий Николаевич взял паузу, пообещав подумать. Одним словом, решил немного передохнуть от головокружительных успехов. К тому же ему не хотелось покидать насиженного места. Ведь всего за год начальствования он умудрился превратить свой ОВД в настоящую рэкетирскую, коррумпированную организацию, приносящую ему немалый доход. Это и поборы с местных коммерсантов, и «крышевание» черного бизнеса, и многое-многое другое, что, казалось бы, кануло в Лету вместе с лихими девяностыми. Но нет. Все осталось, как было прежде. С одной лишь разницей – братков в трениках и малиновых пиджаках, разъезжавших на «мерсах» и «бумерах», в России двадцать первого века заменили «оборотни в погонах» на полицейских «Фордах»...

...Включив магнитулу на полную громкость, коротко стриженный мужчина выбрался из кабины новенького реанимобиля на базе «ГАЗЕЛИ», перешагнул через змеящуюся в густой траве веревку и встал рядом с красавицей блондинкой. Кашлянул в кулак. Но та даже головы не повернула – продолжала смотреть куда-то вверх да неустанно приговаривала:

– Выдержит... не выдержит... выдержит... не выдержит...
– Из твоих уст это звучит, как любит – не любит. Ты бы еще ромашку взяла и лепестки начала рвать, – ухмыльнулся мужчина, оглядываясь в темной березовой роще.
– Я серьезно, – приглаживая растрепавшиеся на ветру волосы, произнесла блондинка. – А ты как думаешь – выдержит?
– Сук или веревка? – уточнил коротко стриженный.
– Да сук, – раздраженно бросила женщина и тут же добавила: – За веревку-то я не беспокоюсь. Она альпинистская, любую нагрузку перенесет. Конечно, если слон на ней не повиснет.
– Посмотрим. Хотя я и надеюсь, что дело до этого все-таки не дойдет, – устало вздохнул мужчина и замолчал.

Тем временем из кабины реанимобиля доносился прямо-таки убаюкивающий голос радио-ведущей:

– ...полуночники и полуночницы, вы на волнах «Ретро-FM»... мы уже прослушали несколько шлягеров ушедшего столетия... теперь же прозвучит легендарная композиция на слова Матусовского, музыку Соловьева-Седого, в исполнении...

И буквально через секунду на всю рощу зазвучало лирическо-романтическое:

«Не слышны в саду даже шорохи,
Все здесь замерло до утра.
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера...»

Вновь прокашлявшись в кулак, мужчина расправил широкие плечи, набрал в легкие побольше воздуха и стал подпевать певцу, при этом многозначительно поглядывая на свою красивую спутницу:

– Что ж ты, милая, смотришь искоса, низко голову наклоня?..
– Во-первых, я тебе не милая, – неожиданно перебила она его. – Во-вторых, косоглазия у меня нет. В-третьих, голову не клоню, так как нервными тиками не страдаю. А в-четвертых – когда же он, наконец, очухается? Или мы здесь до утра стоять будем, пока «его величество» не соизволит проснуться? Даже музыка его не берет.

Мужчина посмотрел на Юрия Николаевича Чижа, лежавшего на спине под одной из берез. Пока начальник ОВД спал крепким сном и, похоже, даже видел какое-то сновидение. Судя по всему, приятное, так как время от времени его губы расплывались в блаженной улыбке, а веки подергивались. Но можно было не сомневаться, что когда он проснется, то окружающая реальность покажется ему кошмарным сном. И это еще мягко сказано.

– А очухаться, милая... – коротко стриженный бросил взгляд на фосфоресцирующий в ночи циферблат наручных часов, – он должен с минуты на минуту. Так что наберись терпения.
– А если ты с дозой переборщил? – не унималась женщина.
– Исключено. У меня глаз наметан, – уверенно заявил мужчина.
– Ты всегда так говоришь. А на практике выходит все с точностью до наоборот, – возразила блондинка.

Правда, ей тут же пришлось забрать свои слова обратно, ведь начальник ОВД неожиданно разлепил веки и затуманенными глазами посмотрел в звездное небо.

– О! Так это же ковш Большой Медведицы! – вырвалось у него заспанное. – Впрочем, какой, на хрен, ковш? В моей же спальне потолок не прозрачный, а из гипсокартона. Да и почему так хреново дышится, словно душит кто-то? А может, мне все это снится? – сознание еще не до конца вернулось к нему, и он попытался ущипнуть себя за бок.

Именно – попытался. Потому что сделать этого не смог. Как оказалось, его руки в запястьях были скованы браслетами наручников. Да и не только руки, но и ноги в лодыжках. Однако

не это было самым страшным. Окончательно проснувшийся начальник ОВД, наконец, понял, что не дает ему нормально дышать – довольно-таки туго затянутая петля веревки на его шее. Он кое-как изловчился, присел. Попытался ослабить петлю. Но та ни в какую не поддавалась, лишь резала пальцы.

И тут внезапно вспыхнул яркий свет. Чиж сначала зажмурился, а потом прищурился. Как сквозь туман рассмотрел расплывчатый силуэт стройной длинноволосой женщины, стоявшей на фоне реанимобиля с включенными фарами. За ее спиной, а точнее, за лобовым стеклом машины в освещенном салоне виднелся расположившийся на водительском сиденье коротко стриженный мужчина с непроницаемым лицом.

– Посмотрите вверх, Юрий Николаевич. Только на этот раз повнимательнее. Уверяю вас, что там, сверху, прямо над вами, есть вещи и поважнее ковша Медведицы. По крайней мере, для вас, – с металлом в голосе отчеканила блондинка и тряхнула своими длинными волосами.

Словно загипнотизированный, Чиж запрокинул голову.

– Я ничего... не вижу... кроме звезд... – прозвучало заторможенное спустя минуту.

– Опуститесь на землю, Юрий Николаевич, – подсказала женщина.

И в следующее мгновение у подполковника едва не разорвалось сердце. Он заметил то, на что намекала ему блондинка, – толстый сук березы метрах в трех-четырех над ним, через который была переброшена альпинистская веревка. И, как можно было догадаться, один ее конец сходиллся петлей у него на шее. А вот второй...

– А второй, Юрий Николаевич, привязан к буксировочной скобе реанимобиля, – словно прочитав мысли начальника ОВД, с ехидной ухмылкой сообщила блондинистая красавица. – И стоит моему товарищу дать задний ход, отъехать хотя бы на каких-то пять метров, как вас потянет ввысь. В смысле не к самым звездам, а к суку. Опоры под ногами у вас уже не будет. Вы начнете задыхаться. И в конце концов умрете от удушья. Короче говоря, мы вас повесим, – проговорила она как-то уж совсем буднично, словно вешала по высокопоставленному менту каждый день. – Спросите, зачем это нам? Скажем так – мы своеобразная неотложная помощь, такие санитары каменных джунглей, которые очищают наши города от такого мусора, как вы. Ясно выражаюсь?

– Не совсем, – нервно передернул щекой Чиж.

– Тогда поясню для непонятливых. Вы – исчадие ада. Из-за вас этот древний подмосковный город, – женщина на мгновение замолчала и указала рукой на возвышающиеся невдалеке многоэтажные панельки спального района с немногочисленными светящимися окнами, – превратился в рассадник бандитизма и коррупции. С вашей санкции правоохранители творят настоящий беспредел: фальсифицируют материалы уголовных дел, выбивают признательные показания у ни в чем не повинных людей, «доют» местных коммерсантов и мутят вместе с криминальными элементами совместный преступный бизнес вместо того, чтобы сажать преступников за решетку. Но главное – на вашей совести как минимум восемь загубленных жизней. Одна из ваших жертв – шестнадцатилетняя девушка, которую вы по пьяни изнасиловали, а потом, протрезвев, инсценировали ее самоубийство. И если мы устраним вас, то все жители города вздохнут свободней.

– К-к-кто в-в-вы т-т-такие? – напуганный до смерти подполковник стал заикаться, чего даже в детстве за ним не замечалось.

– Я же сказала – мы санитары, убийцы убийц, – парировала блондинка и скрестила руки на груди. – В общем, это в данной ситуации не меняет вашу судьбу. Она близка к завершению. Единственный смысл того, что произойдет, – дать повод задуматься вашим последователям. Итак, приступим к казни, – она обернулась и кивнула мужчине, сидевшему за рулем «ГАЗЕЛИ», – дескать, давай, пришло время.

Тот тотчас же провернул ключ в замке зажигания. Заурчал двигатель. И в тот момент, когда водитель реанимобиля уже был готов дать задний ход, Чиж неистово заорал:

– Пойдите! Умоляю! Я отдам вам все свои деньги! Только отпустите! Умоляю!

– Деньги? – хмыкнула себе под нос блондинка. – А с чего вы решили, что нас можно купить?

Юрий Николаевич закричал в ответ что-то про то, что все в этом мире покупается и продается, мол, дело только в цене, что он готов расстаться со всем, что у него есть, даже квартиру продаст, лишь бы ему даровали жизнь, но его уже никто не слушал.

Реанимобиль плавно тронулся с места и, переваливаясь с кочки на кочку, неторопливо пополз задним ходом. Привязанная к скобе альпинистская веревка, которая до этого времени змеилась в траве, стала стремительно выпрямляться, а потом натянулась струной. И орущего во все горло Чиж потащило вверх. Сначала от земли оторвалась его голова, затем спина... и вот когда он уже стоял на цыпочках, а точнее, балансировал на носочках, мужчина неожиданно затянул ручник и, прихватив с собой лежавшую на панели приборов компактную цифровую видеокамеру, выбрался из кабины. Вместе с женщиной они подошли к хрипящему начальнику ОВД.

– Долго так не простоите, конечно, если вы не балерина Волочкова, – произнесла блондинка.

Наконец, подал голос и молчавший до этого долгое время коротко стриженный мужчина:

– Итак, Юрий Николаевич. Перейдем к делу. Сейчас вы расскажете на камеру о ваших поделниках по преступному бизнесу, опишете весь тот беспредел, что творится в ОВД, и назовете имена-фамилии тех, кто стоит над вами – сдадите ваших покровителей, одним словом. Честно признаетесь в изнасиловании несовершеннолетней и в ее убийстве. Если вы это делаете, то мы вас отпустим. Если нет – казнь будет приведена в исполнение, – выпалил он на одном дыхании, а затем спросил: – Ваш ответ «да»? Даю только один шанс.

Коварный план блондинки и ее спутника сработал. Находящийся на волосок от смерти Чиж поведал им все, что они хотели от него услышать. С перепугу он даже «слил» родного тестя, благодаря которому сделал головокружительную карьеру от обычного патрульного до начальника ОВД. Не утаил и то, что тот возглавляет какую-то секретную организацию, созданную влиятельными олигархами, приближенными к власти. Правда, чем она конкретно занимается, так и не смог внятно объяснить. Однако от изнасилования несовершеннолетней и от ее убийства отказался напрочь. Утверждал, что это сделал его непосредственный начальник, а он в это время спал мертвецким сном.

– ...теперь я свободен? – прохрипел начальник ОВД, чувствуя, как немеют пальцы его ног.

Ничего не говоря, коротко стриженный мужчина выключил видеокамеру, отошел в сторону. Поманил пальцем женщину – мол, подойди, разговор есть.

– Эй!.. Что происходит?.. Вы же обещали!.. – глядя в спину удаляющейся от него блондинки, прошамкал синюшными губами подполковник.

Когда мужчина и женщина уединились под березой, первый озадаченно наморщил лоб и зычно хрустнул костяшками пальцев. Он всегда так делал, когда перед ним стоял нелегкий выбор.

– Ты чего? – прищурилась блондинка.

– Не знаю, что с Чижом делать, – прикусив губу, признался коротко стриженный. – Может, он и не насиловал девушку? А может, и врет.

– Мы же с тобой договаривались, что отпустим, – удивленно округлила глаза женщина. – Да и ты мне говорил, что его свои же вскорости грохнут, в отместку за то, что он их сдал. Не думаю, что врет, глядя смерти в лицо, врать трудно. Да и по другим преступлениям он себе большой срок намотал.

– Ладно, не в изнасиловании теперь дело. Смотри, – мужчина достал из кармана мобильник, показал блондинке SMS-сообщение, которое пришло ему совсем недавно.

– Тут же ничего, кроме заглавной буквы «К», не написано, – глядя в сенсорный экран, захлопала она длинными ресницами.

– А ты что хотела, чтобы он передал открытым текстом – «убей начальника ОВД»? Конечно же, нет. К тому же мы с ним заранее условились, что если я получаю эсэмэску с буквой «О», то это значит, что Чижа нужно «Отпустить». Если три буквы «НВУ» – «На Ваше Усмотрение». Когда мне приходит «К», подразумевается, что подполковника надо «Казнить». Вот такое вот убийственное, в прямом смысле слова, сокращение, – объяснил мужчина, – и свалилось оно мне прямо сейчас.

Теперь уже озадачилась и женщина.

– Как говорится, приказ начальства – закон, – скрежетнула она зубами, – но мы ведь с тобой не палачи, хоть и убивали не раз... Но то было в целях самообороны... а сейчас... Нет, конечно, я понимаю, что этот Юрий Николаевич сволочь редкостная и по нему ад плачет... – шла в блондинке внутренняя борьба.

– И я о том же, – вздохнул мужчина. – Да и слово я ему дал, что отпущу, если он признание на камеру сделает. А свое слово я всегда держу.

Пока они спорили, на животе «полуповешенного» начальника ОВД замаячила трясущая красненькая точка от лазерного прицела снайперской винтовки. Но вскоре она стабилизировалась, застыла на груди «оборотня в погонах» – именно там, где находилось его бездушное ментовское сердце.

И в тот момент, когда стрелок, который, скорее всего, затаился на крыше одного из близлежащих гаражей, уже был готов поразить «мишень» – напряженные донельзя пальцы ног подполковника свела судорога. Они, один за другим, согнулись-скрючились. Земля ушла у него из-под ног, он потерял равновесие и повис в воздухе. Петля-удавка буквально въелась в его шею, сдавила горло, перекрыв доступ кислороду. Казалось, что Чиж доживает последние минуты своей никчемной жизни. Но случилось чудо. Сук березы не выдержал его грузного тела, треснул, надломился. Начальник ОВД упал на колени, жадно задышал, глотая широко раззявленным ртом холодный ночной воздух.

Коротко стриженный мужчина со своей белокурой спутницей уже было бросились к нему. Но тут же замерли как вкопанные.

– Что это?.. – напряглась женщина, шурясь на малюсенькую красненькую точку, заматавшуюся по телу Юрия Николаевича.

– Черт, снайпер, – выругался мужчина.

И как только это было произнесено, невидимый киллер нажал на спуск. Сраженный выстрелом в сердце подполковник дернулся, закатил глаза на ковш Большой Медведицы и медленно завалился на спину.

– Уходим! Быстрее! – вышел из оцепенения коротко стриженный, схватил за локоть блондинку и бросился с ней к реанимобиле.

Уже запрыгнувшая в кабину «ГАЗЕЛИ» женщина вдруг спохватилась:

– Вербка на форкопе!

В руке мужчины блеснуло лезвие перочинного ножа. И, затравленно оглядываясь на мельтешащую по березовой роще красную точку от лазерного прицела снайперской винтовки, он принялся лихорадочно то ли резать, то ли пилить прочную альпинистскую веревку...

...«Неотложка» с включенными мигалками неслась по левой крайней полосе ночного шоссе. Стрелка спидометра уже перевалила за отметку в «сто двадцать». Но коротко стриженный мужчина продолжал давить на педаль газа. А сидевшая рядом с ним женщина то и дело поглядывала в зеркало заднего вида – нет ли за ними погони.

– Ну? – раздалось напряженное.

– Вроде чисто. Так что можешь не гнать, – успокоила его блондинка.

Реанимобиль, моргнув поворотником, ушел на правую полосу и сбавил скорость. Мужчина выключил мигалки и наконец позволил себе расслабиться – откинулся на спинку водительского сиденья и протер тыльной стороной ладони вспотевший лоб.

– И что это было? – спустя какое-то время задался риторическим вопросом мужчина.

– Не знаю. Но если бы мы вовремя оттуда не слиняли, то этот снайпер положил бы и нас, – шумно выдохнула женщина и задумчиво закусил губу. – Вот только одного не могу понять, почему он не кончил подполковника, не заткнул ему рот до того, как мы записали его признание на видеокамеру? Да и нас с тобой мог запросто грохнуть. Но нет, дал уйти. Что-то здесь не сходится.

– Действительно, странно все это, – согласился коротко стриженный.

Воцарилось гнетущее молчание. Каждый искал логику в действиях таинственного стрелка. Но не находил. Наконец блондинка решила разрядить напряженную обстановку:

– Ладно, давай исходить из существующих реалий, – подбадривающе произнесла она. – Чиж мертв, как того и требовало наше начальство. При этом и твоя, и моя совесть чиста, не мы же его на тот свет отправили, а снайпер. Да и видеозапись сделали, которая, а я в этом уверена на все сто процентов, «порвет» Интернет и посеет в рядах коррумпированных ментов настоящую панику. Так что задание успешно выполнено.

– Возможно, ты и права, – пожал плечами мужчина и вдруг ни с того ни с сего свернул на автозаправочную станцию.

– Ты чего? У нас же полный бак бензина, – удивленно вскинула брови блондинка.

– У машины, может быть, и полный, а вот у меня нет, – бросил коротко стриженный и притормозил у магазинчика при заправке.

– А ты уверен, что у них будет продаваться твой любимый морковный сок? Продукт этот все-таки неходовой, специфический. Я бы даже сказала, для настоящих гурманов, – съехидничала женщина, прекрасно разбирающаяся в гастрономических пристрастиях своего спутника.

– А мне сок и не нужен, у меня его в бардачке пруд пруди. А если не веришь, можешь заглянуть. Разрешаю, – сказав это, мужчина выбрался из-за руля. – Кстати, чуть не забыл – дальше поведешь ты, – и, хлопнув дверцей, затопал к магазину.

Через несколько минут он вернулся с чекушкой перцовки. Забрался на соседнее сиденье с водительским, открыл перчаточный ящик. Выудил оттуда стеклянную бутылочку с ядовито-оранжевой жидкостью.

– Чего стоим, милая? Поехали! – коротко стриженный сделал пару глотков огненной перцовки и тут же затушил разгорающийся во рту пожар морковным соком. – Нервная у нас с тобой работенка. Без успокоительного никак, – словно бы в свое оправдание, произнес он.

– Во-первых, я тебе не милая, – огрызнулась женщина, – а во-вторых, так и спиться можно, – и она зло провернула ключ в замке зажигания.

Глава 2

Спутник белокурой красавицы как в воду глядел, когда говорил, что видеозапись с откровениями начальника ОВД «порвет» интернет. Ведь всего через час после того, как ее запостил на «Ю-тубе» некий пользователь, скрывающийся под брутальным ником «Палач палачей», она набрала под полсотни тысяч просмотров и выскочила в ТОП. Обогнала по популярности даже свежесалитый в сеть новый клип Стаса Михайлова и долгожданный многими киноманами трейлер к очередной серии «Крепкого орешка». Естественно, ее вскоре удалили, но она уже успела размножиться «методом почкования».

Правда, «исповедь подполковника», как метко окрестил появившуюся во Всемирной Паутине видеозапись один скандальный блогер, была явна неполной, смонтированной, отчего моментами казалось, что мент чего-то недоговаривает. Да и обрывалась она на самом интригующем месте, когда Чиж с петлей на шее вопрошал того, кто находился за кадром: «Теперь я свободен?» Хотя нет, не обрывалась. После продолжительной черной заставки, в самом конце был немой, но пробирающий до мозга костей эпилог, которому позавидовал бы любой фильм ужасов. В темноте то ли еще полуживого, то ли уже мертвого Юрия Николаевича обливали бензином и поджигали, после чего бросали на него старые автомобильные покрышки. Огромный погребальный костер пылал в ночи.

Ясное дело, что «исповедь» произвела эффект разорвавшейся информационной бомбы. И прежде, чем ее удалил модератор, она уже успела перекочевать в Живые Журналы, социальные сети, а оттуда попала на популярные новостные сайты и ленты. Рунет дружно и возмущенно загудел. Стали появляться полные ненависти и злобы комментарии, адресованные правоохранителям. Мол, фашисты проклятые, полицаи, линчевать вас всех надо. Даже тролли, попробовавшие сперва осудить линчевателей-трупосжигателей, вскоре умолкли. Жалости к казненному никто не испытывал.

В то время как интернет кипел и бурлил, федеральные каналы по устоявшейся традиции молчали, делая вид, что ничего экстраординарного не случилось и в стране по-прежнему царят мир и порядок. Грубо говоря, ждали отмашки сверху. И, как ни странно, такая отмашка пришла. Вот тогда прикормленные властью журналисты и зашевелились, оторвали задницы от насиженных мест.

А потому пресс-службе Министерства внутренних дел ничего не оставалось, как организовать экстренную конференцию для средств массовой информации и объяснить перед миллионами российских граждан по поводу на шумевшего видео. Но сенсации не случилось. Силовики ожидаемо заявили, что «исповедь подполковника» является гнусной фальшивкой, провокацией, чтобы настроить народ против отечественных стражей правопорядка. Якобы погибшего от рук уголовников подполковника в природе не существует. Параллельно один генерал на пенсии, про таких еще говорят – со снарядом в голове, внезапно заявил в интервью желтой газете, что имеет достоверную информацию, мол, это гнусное убийство все же имело место, оно – дело рук «пятой колонны», оппозиционеров, которые решили таким образом отомстить правоохранителям за разгон демонстраций и митингов.

Однако уже на следующий день риторика провластных журналистов по непонятным для обывателя причинам кардинальным образом поменялась. Силовики признали, что видеозапись с признаниями подполковника – подлинная. Вот только с их слов выходило, что все сказанное им на камеру не соответствует действительности. Мол, его вынудили оклеветать себя и других уважаемых людей под угрозой расправы. Впрочем, что и было сделано, несмотря на то, что он выполнил требование преступников. Вернее, преступника, которого, по утверждению самого министра МВД, удалось задержать по горячим следам и который уже дает признательные показания. А на вопрос одной пытливой журналистки: «Как зовут этого человека и каковы

были его мотивы?» – он ответил: «Алексей Сергиенко, обыкновенный грузчик, а что им двигало, мы пока не знаем, в этом разберется следствие»... На другой закономерный вопрос: «А почему совсем недавно утверждалось, что такого подполковника не существует в природе?» – последовал ожидаемый ответ. Мол, это было сделано в интересах следствия, чтобы дезориентировать преступника.

Следствие и впрямь разбиралось. Однако не в мотивах и не с тем, кто превратил Чижа в кучку пепла, ведь температура горения покрышек позволяет сжечь даже кости с зубами. Опознали в этом пепле Чижа лишь по корпусу именных наградных часов. Алексей Сергиенко, работающий грузчиком в одном из супермаркетов подмосковного города, не имел к этой истории абсолютно никакого отношения, к тому же у него было железное алиби. В ночь убийства подполковника он отдыхал со знакомой женщиной на даче, что могли подтвердить и его соседи по участку.

Возникал закономерный вопрос – как так вышло, что ни в чем не повинный человек оказался замешанным в убийстве Юрия Николаевича?

Все дело в том, что сразу после появления в Интернете скандального видео высшие чины из МВД поставили на уши весь ОВД, начальником которого до недавнего времени был Чиж. Не в смысле того, что нагрянули туда с инспекцией, чтобы проверить озвученную в «исповеди подполковника» информацию о беспределе, там творящемся, а приказали подмосковным оперуполномоченным в кратчайшие сроки отыскать виновного, заставить его признаться во всем, чтобы затем наказать его по всей строгости закона, в противном случае грозили, что полетят погоны. И переполошенные опера взялись за дело. Но так как на поиски настоящих преступников ушло бы время, да и не факт, что их удалось бы найти, brave правоохранители пошли путем наименьшего сопротивления. Они нашли подходящую кандидатуру, такого «козла отпущения» – Алексея Сергиенко. Почему подходящую? Да потому, что грузчик уже некогда сидел за убийство мента, причем которого не совершал. Просто тогда еще капитан Чиж, ставший впоследствии с легкой руки своего влиятельного тестя подполковником, сфабриковал в отношении его уголовное дело, чтобы избавиться от «висяка» и немного улучшить статистику раскрываемости преступлений в родном ОВД.

Вот опера и отрапортовали вышестоящему начальству, что задержали «убийцу». А пресс-секретарь МВД, в свою очередь, тут же сообщил об этом прессе. Но первые и последний явно поспешили, так как Сергиенко всячески отпирался и не хотел брать вину на себя. Впрочем, один из оперуполномоченных ОВД – капитан Волошин, которому и пришла в голову идея «повесить» убийство Чижа на грузчика Алексея, нисколько не сомневался, что тот рано или поздно сломается, сознается в том, чего не совершал...

...Шумно и натужно гудел на тумбочке старомодный вентилятор с металлическими лопастями, такие обычно шоферы самосвалов вешают у себя в кабинах. Клубился, возносясь к потолку, едкий табачный дым. Капитан Волошин затушил в переполненной пепельнице очередной окуроч, забросил ноги на письменный стол, как это любят делать в вестернах американские шерифы, и буквально выстрелил в Алексея Сергиенко своим властным и надменным взглядом. Но тот даже не шелохнулся, лишь демонстративно сделал вид, будто собирается сплюнуть на пол, как бы говоря этим – зря стараешься, все равно ничего не подпишу.

– ...Да, знаю, что ты никого не убивал. Но пойми – это никого не волнует... – в который раз за сегодняшний вечер повторил опер. – Ни-ко-го! – произнес он по слогам.

– Меня волнует... – отозвался грузчик.

– Опять двадцать пять, – эмоционально всплеснул руками Волошин. – Да пойми же ты, наконец, своей тупой башкой, что чем раньше ты чистосердечное напишешь, тем здоровее будешь. Или ты кайф получишь, когда я тебя резиновой дубинкой в анус трахну, в позу «ласточки» поставлю? А это, между прочим, еще цветочки, так сказать, разминка. И вот на этой самой разминке я предлагаю остановиться. Ты берешь ручку, чистый лист бумаги и акку-

ратным почерком выводил под мою диктовку простой текст. После чего расписываешься, и все, твои мучения окончены, – талдычил опер, придирчиво разглядывая носки своих лакированных туфель. – Но если ты пошлешь меня нах... – в ход пойдет одно из моих любимых орудий пыток, против которого еще никто не устоял. Все до одного ломались. И ты сломаешься. Так что решай. Только не тяни с ответом, а то мне с любовницей созвониться надо. Да, и учти, она у меня барышня капризная, не любит, когда я на работе задерживаюсь, – и тут отозвался рингтоном, вернее, припевом из известной песни «наша служба и опасна, и трудна...» навороченный смартфон. – О, а вот, кстати, и она, – напрягся он, но прежде, чем принять входящий вызов, гаркнул на Сергиенко: – Ну? Я жду ответа!

– Иди в жопу! – прозвучало злобное и смелое одновременно.

– Зря... зря... – вздохнул капитан, отвернулся от грузчика и прижал трубку к уху. – Дорогая... ты меня извини, но я не смогу сейчас приехать... Что случилось?... Опять дел навалилось... Ты только не обижайся... да люблю я тебя, люблю...

Пока Волошин выяснял по телефону отношения со своей любовницей, доведенный до ручки грузчик решил на отчаянный шаг – сломать самому себе большой палец сначала на одной руке, а потом на другой, как это сделал его любимый голливудский киногерой в одном из старых добротных боевиков. В том фильме культовому американскому актеру, сыгравшему роль такового народного мстителя и борца за справедливость, в одной из сцен предстояло выбраться из сложной и кажущейся на первый взгляд безвыходной ситуации – освободиться от наручников, которыми колумбийские мафиози приковали его к сточной решетке на дне стремительно заполняющегося водой бассейна. Тогда ему удалось спастись, но ценой двух больших пальцев, сломав которые он без особого труда протащил кисти рук через браслеты. И был таков.

Однако это кино. А в жизни все несколько иначе. Тем не менее Сергиенко, обе руки которого были прикованы наручниками к трубам отопительной батареи, собирался повторить этот опасный трюк. При этом он отдавал себе отчет в том, что убежать из ОВД, кишящего ментами, ему не удастся. Но Алексей и не ставил перед собой такой цели. Единственное, что им сейчас двигало, – месть. Месть за те унижения и издевательства, которым подверг его и еще собирался подвергнуть Волошин. Но для начала нужно было избавиться от пут, «развязать» себе руки.

– ...Котик, солнышко, зайчик, прости... – продолжал умасливать любовницу опер, все сильнее и сильнее прижимая мобильник к небритой щеке. – Ну, не могу я к тебе сейчас приехать... у меня и вправду неотложные дела... Что?... Могу вообще не приходить?... Никогда, никогда?... Говоришь, незаменимых нет?... Постой, не бросай трубку... – взмолился он, но на том конце линии наступила тишина.

Капитан хмуро посмотрел в экран смартфона, оказалось, что соединение не прервалось, просто любовница молчала.

– Не молчи, скажи, что пошутила... – пытался он вновь уговорить женщину.

И тут за его спиной что-то приглушенно и противно хрустнуло. Поначалу занятый разговором Волошин проигнорировал этот странный звук. Мало ли – послышалось? Однако через несколько секунд непонятный хруст вновь повторился.

Опер напряженно обернулся, исподлобья глянул на грузчика. Единственное, что выдавало Сергиенко, который к этому времени уже успел избавиться от «оков» и по-прежнему сидел на полу у батареи, держа руки с переломанными большими пальцами за спиной, – это его лицо: бледное, вспотевшее и перекошенное от нестерпимой боли. Но капитан не придавал этому особого значения, посчитав, что Алексею просто стало хреново. Вот и корчит гримасы.

– Ну, вот и хорошо, что ты меня понимаешь. Я позже перезвоню, – опер отложил смартфон и ухмыльнулся Сергиенко. – Что? Отбитые почки дают о себе знать? – уже позабыв о странном хрусте, оскалился Волошин. – И это хорошо, – он выдвинул верхний ящик письмен-

ного стола и извлек оттуда обычный противогаз с тянущейся от него короткой гофрированной трубкой. – А вот, как я и обещал, мое любимое орудие пыток. «Слонином» называется. Слышал о таком? – и в его глазах заплясали адские язычки пламени.

– Да пошел ты, – еле слышно процедил сквозь стиснутые зубы Сергиенко – ему не терпелось набить морду своему обидчику, но он не торопил события – выжидал подходящего момента.

– Значит, не слышал, – пропустив «послание» грузчика мимо ушей, продолжал капитан. – Жаль. Ну, ничего, мы восполним этот пробел. Но для начала послушай небольшую лекцию о принципе действия «слоника». Так, для общего развития, – набрав в легкие побольше воздуха, мент дунул на запыленные «глазницы» противогаза и с ностальгией молвил: – Да уж, давненько я им не пользовался... ладно, проехали. Не об этом сейчас пойдет речь. А о том, что я натяну эту штуковину на твою тупоголовую башку и сдавлю в кулаке «хоботок», то есть трубку. Одним словом, перекрою тебе доступ к кислороду. При этом задохнуться не дам. Так как в самый последний момент, когда ты уже будешь готов откинуть копыта, я разожму пальцы, и через трубку снова начнет поступать воздух. А поступит его совсем немного. Знаешь почему? Да потому, что я опять сдавлю «хоботок». И так будет продолжаться до тех пор, пока ты не согласишься взять убийство подполковника Чижика на себя и не черканешь под мою диктовку чистосердечное признание. Вот тогда я от тебя и отстану. Хотя... – он задумался и перевел взгляд на мобильник, – нет, не отстану. Поиздеваюсь над тобой еще пару часиков – в качестве компенсации за то, что из-за твоего упрямства, говнюк, я задержался на службе и, как следствие, рассорился с любовницей, которая только и ждала, чтобы ее оттрахали по полной программе. Что ж, хватит болтать, пора и к делу переходить.

Но к делу Волошин так и не перешел. Сергиенко, который в его понимании до сих пор был намертво прикован наручниками к батарее и не мог оказать ему никакого сопротивления, вдруг вскочил на ноги и вмазал застигнутому врасплох оперу кулаком в челюсть. В этот удар грузчик вложил всю свою ярость и гнев, накопившиеся за время пребывания в негостеприимном ОВД, который своими методами работы мало чем отличался от НКВД или того же гестапо.

В общем, удар получился таким убийным, что капитана отбросило на письменный стол. Тот, старый и расшатанный, тут же сложился под ним картонным домиком.

– Убью, бл... – харкая кровью, прошипел Волошин и потянулся растопыренной пятерней к упавшей на пол резиновой дубинке.

Но не тут-то было – подоспевший Сергиенко отфутболил ее в дальний угол кабинета и навалился своим грузным телом на опера. У того даже дыхание захватило.

– Сейчас ты за все ответишь! – и грузчик схватил с тумбочки включенный на полную мощность вентилятор – ткнул его прямо в рожу капитану.

Бешено вращающиеся металлические лопасти забили по носу Волошина. Да что там забили! Заколошматили – причем с такой силой, что во все стороны моментально полетели брызги крови и ошметки содранной кожи. Они липли к оконному стеклу, к стенам и к лицу самого Сергиенко, который находился в так называемом состоянии аффекта и уже не отдавал отчета своим действиям.

Неизвестно, чем все это закончилось бы, если б на дикие вопли опера в кабинет не вломились двое сержантов, проходивших в это время по коридору. Несмотря на нестандартную ситуацию, они сориентировались быстро. Один из них отключил вентилятор, выдернув шнур из розетки. А другой оттащил от Волошина разошедшегося не на шутку грузчика, подсечкой уложил его на пол и принялся ожесточенно месить дубинкой.

Когда Сергиенко потерял сознание, обессиленный и запыхавшийся сержант плюхнулся на тумбочку и покосился на своего коренастого напарника, который пытался нащупать пульс на шее не подающего никаких признаков жизни капитана.

– Ну что, Володька? – прозвучало напряженное.

- Да вроде живой, – раздалось в ответ осторожное. – Но изуродовал его, гад, конкретно. Мать родная не узнает.
- Так вроде или живой?
- Живой, живой. Я пульс нашупал.

Глава 3

Когда Волошин пришел в себя и приподнял веки, то первое, что увидел – белоснежный потолок без единого пятнышка, подтека или развода. А когда он начал осматриваться по сторонам, разглядел такие же стерильные стены и мебель. От всей этой чистоты и вылизанности веяло холодом и казенностью. Единственное, что оживляло безликий интерьер больничной палаты, приносило в него динамику, так это открывающийся из окна урбанистический пейзаж. Дымящаяся труба какого-то завода, похожая на гигантскую кубинскую сигару. Капитан даже мысленно затянулся ею – так ему хотелось курить.

Странное дело, но опер абсолютно ничего не помнил. Ни того, как он по приказу начальства копался в архиве ОВД, выискивая подходящую кандидатуру на роль убийцы подполковника Чижа. Ни того, как арестовывал с целой группой захвата Алексея Сергиенко, словно тот был особо опасным преступником. Ни того, как доведенный до отчаяния грузчик напал на него. В общем, у мента по непонятным причинам случился провал в памяти, этакий пробел. И чтобы восполнить его, мозг Волошина стал выстраивать логическую цепочку:

«Ты находишься в больнице. Причем в палате, кроме тебя, никого нет, а это значит, что она не общая, а платная. Почему тебя положили именно в нее? Ясный пень, что кто-то лаве забашлял. Любовница не станет, слишком жадная. Жена еще та б... Служивцы? Возможно. Тогда это может быть только майор Петрогородцев, у него денег мама не горюй, да и бизнес мы с ним совместный мутим. Так, это выяснили. А теперь главный вопрос – какого хрена ты здесь делаешь и почему тебе так плохо, что даже головы от подушки оторвать не можешь? Инсульт? Да ты ж здоровый как бык. Короче, отметаем. Подстрелили, ранили? Вот это уже больше похоже на истину. Тогда получается, что на месте извлеченной пули должен был остаться свежий...»

И, сбросив одеяло на пол, капитан принялся скрупулезно осматривать свое тело. Но свежего хирургического шва на нем так и не обнаружил. Только старый, уже давно зарубцевавшийся – от аппендицита. У опера уже было отлегло от сердца, однако он тут же напрягся, обнаружив, что практически вся его задница заклеена пластырями. Места живого нет. Это открытие было странным и пугающим одновременно. И мозг Волошина вновь заработал, на этот раз со сбоями и глюками:

«Жопа... пластыри... жопа... пластыри... да что же со мной произошло?..»

И тут в палату заглянула миловидная дежурная медсестра в слепяще-белом халате. Девушка нисколько не смутилась, увидев лежащего на больничной койке мужчину, одетого лишь в семейные трусы. Даже, наоборот, понимающе вздохнула.

– И вам жарко? – сочувственно произнесла она. – Вы уж извините за причиненные неудобства. Понимаете, автоматическая централизованная система кондиционирования сломалась, а ремонтники не скоро придут. Но вы не волнуйтесь. Я могу сейчас сбегать и вентилятор принести. Увы, не новый, так как я их уже другим пациентам раздавала, а старый, советского производства, который у нас на посту стоит. Ну, такой с металлическим пропеллером, без защитного кожуха. Кстати, не хуже импортных дует. Так что – нести?

– Вентилятор? – напряженно переспросил капитан и сам не понял, почему это слово вызвало у него такое отторжение. – Послушайте, девушка, тут у меня такая проблема... даже не знаю, как вам сказать...

– Вы не стесняйтесь, говорите. Что вам надо? Нижнее белье в стирку отдать, носки?.. – затараторила юная особа.

– Да какое, на хрен, белье? – раздраженно оборвал ее Волошин. – У меня с памятью что-то непонятное. Никак не могу вспомнить, как я здесь оказался. А главное – что со мной произошло?

Девушка озадаченно хмыкнула себе под нос и ответила:

– К сожалению, ничем помочь не могу. Когда вы поступили – не моя смена была. Людка дежурила. Вот завтра у нее и спросите, или у хирурга, – и, не подумавши, ляпнула: – Но, судя по вашему лицу, вы попали в настоящую передрыгу. Такое ощущение, что вам его ножиком искромсали, – правда, сразу же спохватилась: – Ой, извините, ради бога. В общем, я за вентилятором побежала, – и она скрылась в коридоре.

Через несколько минут медсестра вернулась с обещанным совдеповским вентилятором. Но переступить порог платной больничной палаты так и не решилась – замерла в дверном проеме и часто захлопала ресницами. Растерялась, в общем. Еще бы не растеряться. Капитан стоял на коленях перед раковиной и держал в окровавленном кулаке осколок разбитого зеркала. В нем отражался уродливый монстр, настоящее чудовище Франкенштейн.

Все лицо Волошина буквально бугрилось от хирургических швов. Более того, оно было неоднородного цвета, отчего складывалось впечатление, что его сшили из кусочков кожи, взятых с разных частей тела. И с каких именно, опер уже догадывался. Не зря же вся его задница была заклеена пластырями.

Вдруг медсестра чихнула, чем привлекла к себе внимание мента. Капитан зыркнул на девушку, державшую в трясущихся руках вентилятор. И тут у него в мозгу что-то щелкнуло. С этим щелчком к нему стала возвращаться память. Сначала из ее глубин всплыл прикованный наручниками к батарее Сергиенко. Потом эмоциональный телефонный разговор с любовницей. А затем вновь тот же Сергиенко, который ткнул ему в лицо...

– Вон! Катись! Убирайся вместе со своим чертовым вентилятором! – заорал он на остолбеневшую девушку.

Та испуганно передернула плечами и поспешила ретироваться. Волошин же еще раз глянул на свое отражение в осколке зеркала, прикусил до крови залатанную хирургом щеку и озлобленно прошипел:

– Сергиенко – ты труп!..

Утром следующего дня к капитану наведалься майор Петрогородцев – бывший заместитель погибшего Чижа, а ныне временно исполняющий обязанности начальника подмосковного ОВД. Но разговор между мужчинами не заладился с самого начала. И на то была весомая причина. Майор сообщил своему подчиненному, что грузчика пришлось отпустить. Причину своего поступка он пояснил следующим образом. Мол, вчера вечером в областное УВД пришло видео-обращение, в котором некий тип в черной маске, представившийся одним из агентов тайной организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти, сообщил, что он и его единомышленники объявляют войну «оборотням в погонах» и что на казни подполковника они не остановятся. Также им было заявлено, что арестованный Сергиенко не имеет никакого отношения к организации и если его немедленно не освободят, то на непосредственного начальника Чижа из областного управления будет совершено успешное покушение. Ну, генерал и струхнул, пошел на попятную. Ведь Чиж назвал его среди своих основных покровителей и именно его обвинил в изнасиловании несовершеннолетней и ее убийстве.

– ...Какие антикоры? Какой генерал? – сокрушался Волошин, не веря своим ушам. – Этот козел меня в Квазимодо превратил. Теперь со мной ни одна баба в постель не ляжет. Разве что только самая последняя шлюха, и то морду воротить станет. А ты этого гаденыша взял да на свободу, – исходил он слюной, – и все потому, что какой-то клоун в маске идиотскую запись в управление прислал. Так, что ли?

– Клоун не клоун, но после появления этого видео мне сверху ценное указание спустили – Сергиенко отпустить на свободу и снять с него все обвинения, связанные с убийством Чижа.

– На свободу? А моя морда, покалеченная при исполнении, значит, ничего не стоит? – возмутился опер.

– С твоей мордой отдельная история. По ней следствие никто не закрывал, она в отдельное дело выделена. Но, согласно тому же ЦУ, Сергиенко в рамках этого нового дела отпущен под подписку о невыезде. В дальнейшем будет признано, что действовал он в состоянии аффекта, не отдавая себе отчета о последствиях. Его действия будут квалифицированы как незначительное превышение необходимой самообороны. Так что в сухом остатке Сергиенко отделается условным сроком.

– И что, мне теперь от радости прыгать? – возмутился опер.

– Ничего не могу поделать. Так выше решили. Вместе с тем от меня потребовали в кратчайшие сроки навести в Отделе порядок, мотивировав тем, что пришлют к нам нового начальника из Ростова-на-Дону, будь он неладен, – заскрежетал зубами Петрогородцев, который и сам метил на эту должность. – Представляешь, какая подлянка? Но, как говорят в народе – беда не ходит одна. И правильно, между прочим, говорят, – и тут он смолк, сжал пальцы в кулаки – да с таким остервенением, что аж костяшки побелели.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился капитан.

– А то, что я пробил нашего будущего начальника по своим каналам и выяснил, что он за птица. И птица эта мне сразу не понравилась. В общем, сам взгляни и сделай выводы, – майор покопался в портфеле и протянул Волошину прозрачный файл, в который было заправлено несколько отсканированных листов формата «А-4».

Тот торопливо вытащил их. На первом листе была отпечатана черно-белая фотография широкоплечего и коротко стриженного мужчины в кителе с погонами полковника. На втором – краткая биография высокопоставленного силовика: где родился, учился и так далее. На третьем перечислялись все его заслуги перед Родиной. Ознакомившись с последними, опер озадаченно хмыкнул себе под нос.

– То-то и оно, – цокнул языком Петрогородцев, принимая из рук подчиненного файл. – А фамилия его меня вообще убила – Правдеев, то есть за правду ратующий. И заметь, что все заслуги этого полковника и не заслуги вовсе, а форменное вредительство. Иначе как объяснить то, что, будучи начальником УВД по одному из округов Ростова, он за один день с бойцами столичной «Альфы» накрыл целую сеть наркопритонов, которую «крышевал» весь младший офицерский состав его же управления. Накрыл и накрыл, дело святое. Но вместо того, чтобы зарядить «откупные» и войти в долю, как сделал бы любой нормальный человек, Правдеев дает ход уголовному делу, направляя все материалы в Следственный комитет. И таких примеров, как ты уже убедился, в его биографии уйма. Правдеева перебрасывают с места на место.

– Все, накрылся наш бизнес медным тазом, – бесцветным голосом проговорил Волошин.

– Это мы еще посмотрим, – с вызовом заявил майор.

– А что тут смотреть? И так все ясно. Или ты думаешь, что этот полковник будет спокойно смотреть на то, как мы с тобой вместе с бандитами подпольные казино открываем, бордели и как к нам коммерсы на поклон ходят и конверты со взятками дают? Он же вроде неподкупный, такого не потерпит, – убежденно произнес капитан.

– Получается, совсем денег не берет? Такой дурной?

– Нет – честный, во всяком случае, если верить информации.

В отличие от Волошина, Петрогородцев не был столь пессимистичен в прогнозах. И даже разработал какой-никакой план действий на перспективу.

– Да погоди ты голову пеплом посыпать. Еще не все потеряно, – ухмыльнулся майор. – Для начала мы этому полкану аккуратно лаве предложим. Жадничать не станем. А потом посмотрим на его реакцию. Если он нас подальше пошлет, значит, действительно неподкупный и упертый, как баран. Если же согласится – тогда мы с ним сработаемся. Хотя я в этом сильно сомневаюсь. И все же попробовать стоит, вдруг ему надоело честным офицером быть и на одну зарплату жить? Возьмет да махнет рукой на свои принципы, – рассуждал он. – Но, даже если Правдеев откажется, не беда. Звоним Магомеду, описываем ему ситуацию и ждем.

Ждать придется недолго. Так как на следующие сутки полковник попадет в ДТП со смертельным исходом. Комар носа не подточит – все будет выглядеть как несчастный случай. Ну, а затем я становлюсь начальником ОВД, а ты, соответственно, – моим замом. И наш общий бизнес взлетает на новые высоты. Как тебе такой поворот событий, а?

Капитан хотел было что-то ответить, но Петрогородцева некстати побеспокоили телефонным звонком. Обычно в таких случаях он сбрасывал входящий вызов, заканчивал важный разговор, а потом перезванивал абоненту. Но как только майор достал мобильник и посмотрел на определившийся номер, его спина сама собой вытянулась в струнку. Он бросил многозначительный взгляд на Волошина – дескать, потом договорим, подхватился и пулей вылетел из больничной палаты.

Какое-то время заинтригованный опер гадал, что же это за такой важный «перец» маякнул временно исполняющему обязанности начальника ОВД. Причем настолько важный, что одним лишь звонком заставил того едва ли не честь ему отдать. Но на ум так никто и не пришел.

– Либо у меня совсем с памятью плохо стало, либо я чего-то не знаю. Черт с ним, потом у майора выясню. Мы же с ним, как-никак, партнеры, друг о друге все должны знать, – решил капитан, сполз с кровати, подошел к новому зеркалу над раковиной, которое повесили взамен старого, разбитого, и с нескрываемым отвращением посмотрел на свое отражение. – Ну и рожа у тебя, Шарапов, – скривил он губы, осторожно ощупывая грубые швы на щеках, подбородке, носу.

Остаток дня Волошин провел за чтением свежих газет и журналов, которые принес Петрогородцев. Как ни странно, они помогли ему отвлечься от действительности, забыть о своем изуродованном лице. Но ночью менту приснился кошмарный сон, в котором за ним гнался Сергиенко с жужжащим и гудящим, словно целый рой пчел, совдеповским вентилятором. И так настиг его. Именно в тот момент произошло пробуждение.

Покрытый липким потом капитан долго сидел на скрипучей койке, заворуженно смотрел на призрачную луну за окном и клялся самому себе, что как только его выпишут из больницы, то первое, что он сделает – отомстит грузчику. Нет, убивать Сергиенко опер не собирался. У ментов свои способы. Ему хотелось лишь одного – чтобы тот на своей шкуре прочувствовал, каково это – подойти к зеркалу и увидеть там не себя, а какого-то уродца, при этом осознавая, что это отражение будет преследовать тебя всю жизнь.

Глава 4

Только несколько человек в подмосковном городе знали, что на мансарде неприметного с виду здания, находящегося всего в одном квартале от того самого ОВД, который до недавних пор возглавлял убитый подполковник Чиж, располагался один из многочисленных офисов мощнейшей и отлично законспирированной тайной структуры Российской Федерации. Возглавлял ее Павел Игнатьевич Дугин. В отличие от большинства подобных организаций, эта структура не ставила перед собой целью свержение действующего режима с последующим силовым захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях, и притом – исключительно неконституционными методами.

Костяк тайной структуры в основном составили те честные офицеры-силовики, которые еще не забыли о старомодных и не приносящих доходов понятиях: «порядочность», «совесть», «присяга» и «интересы державы». Однако одиночка, сколь благороден бы он ни был, не в состоянии победить тотальную продажность властей. Тем более, коррупция в России – это не только гаишник, вымогающий на трассе дежурную взятку, и не только ректор вуза, гарантирующий абитуриенту поступление за определенную таксу. Коррупция в России – это стиль жизни и среда обитания...

Начиналось все с малого. Офицерам, выгнанным со службы за излишнюю порядочность, Дугин подыскивал новые места работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в Главке МВД открывали самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для «оборотней в погонах», этих самых честных офицеров уволивших. Для этого несколько наиболее проверенных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем – еще...

Заговор – это не обязательно одеяла на окнах, зашитая в подкладку шифровка, подписи кровью на пергаменте и пистолет, замаскированный под авторучку. Залог любого успешного заговора и любой тайной организации – полное и взаимное доверие. И такое доверие между заговорщиками против коррупции возникло сразу же.

Вычищать скверну законными методами оказалось нереально. Та же «внутренняя опасность» во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, продажность ментов, судей, а самое главное – низменные шкурные интересы российского чиновничества не оставляли никаких шансов для честной борьбы. И потому Дугин практиковал способы куда более радикальные, вплоть до физического уничтожения наиболее разложившихся коррупционеров. Точечные удары вызывали у разложенцев естественный страх, количество загадочных самоубийств среди них росло, и многие догадывались, что эти смерти далеко не случайны. Слухи о некой тайной организации, этаким «ордене меченосцев», безжалостном и беспощадном, росли и ширились, и не только в Москве, но и в провинции. Корпус продажных силовиков и чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар последует. Что, в свою очередь, становилось не меньшим фактором страха, чем сами акции устрашения.

Сколько людей входило в тайную структуру и на сколь высоких этажах власти эти люди сидели, наверняка знал только Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла лишь одно звено, да и то ненадолго – так у акулы вместо сточенного ряда зубов очень быстро вырастают новые.

Были у Павла Игнатьевича и свои любимчики – люди, на которых он всегда мог рассчитывать и которые его еще никогда не подводили. Одним из них являлся Андрей Ларин, бывший наро-фоминский оперативник, бывший заключенный ментовской зоны «Красная шапочка», бежавший из нее не без помощи Дугина. Ему отводилась в законспирированной системе

роль этакого «боевого копья». И, как догадывался Андрей, – далеко не единственного. Таких «копий» у Павла Игнатьевича наверняка было несколько. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего наро-фоминского опера – случайного провала можно было не опасаться. Жизненного и профессионального опыта Ларина было достаточно, чтобы быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях. Природного артистизма – чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до губернатора. Бесспорно, все эти качества Андрею предстояло продемонстрировать в самом ближайшем будущем...

...Несмотря на будний день, в офисе тайной антикоррупционной организации, из окон которого даже просматривалось расположенное невдалеке здание ОВД, не было ни одной живой души. Оно и неудивительно. Ведь то не был офис в привычном понимании этого слова, где от зари до зари трудились сотрудники, обрывались от звонков телефоны, пищали факсы и гудели принтеры со сканерами. Скорее, это была конспиративная квартира, этакий штаб, где Дугин назначал встречи своим агентам, распределял между ними задания и проводил своеобразный инструктаж. А потому больше двух-трех человек здесь никогда не собиралось. Чему были безмерно рады жители близлежащих домов. Ни тебе шумных корпоративов по ночам. Ни шастающих туда-сюда с важным видом «белых воротничков». Ни припаркованных на газонах машин.

А чтобы ни у кого не вызывать лишних подозрений, Павел Игнатьевич распорядился прикрепить на двери отдельного входа на мансарду лаконичную табличку: «Логистическая компания ЭСКОРТГРУПП», а под ней приклеить объявление – «В связи с проводимым ремонтом заказы временно не принимаем. Приносим свои извинения». Иногда для имитации ремонтных работ к «офису» подруливала машина с парой-тройкой мужичков в строительных комбинезонах и с пластмассовыми чемоданчиками «BOSCH». Они заходили внутрь мансарды, а уже через минуту на весь двор разносилось натужное жужжание дрелей и перфораторов. Однако надолго там не задерживались, сворачивались ровно к шести часам вечера, чтобы не действовать на нервы местным жителям, которые к этому времени, вымотанные работой, возвращались к себе домой и хотели только одного – тишины и покоя.

Ежедневно «дежурившие» у подъезда соседней пятиэтажки бабушки даже восхищались образцово-показательными «ремонтниками». Мол, молодцы, ребята, за лишней копейкой не гонятся, делают все не спеша и с умом, уважая при этом граждан. Не то что понаехавшие гастарбайтеры, которые вечно куда-то торопятся и не перестают долбить стенки даже ночью...

...Подмосковный двор жил своей привычной жизнью. Детвора каталась на велосипедах, самокатах. Карапузы же под присмотром мамаш резвились на детской площадке: копались в песочнице, катались с горки. Рядом на выгоревшем от солнца газоне выгуливали своих домашних питомцев собачники. Особняком от всех откровенно сучали на лавке у подъезда четыре старушенции.

– Что-то давненько ремонтников не видно, – прошамкала одна из них беззубыми деснами и кивнула на невысокое двухэтажное здание в глубине двора, спрятавшееся под сенью старых разлапистых берез.

– Да, давненько, – вторила ей подруга и поправила слегка сползший набок парик.

– Бог с ними, с этими ремонтниками, – подала голос крючконосая бабка. – Меня больше другое волнует – что в этом здании будет? Меня бы, например, отделение банка устроило или магазин продуктовый. А то до ближайшего километр топать. Понастроили гипермаркетов, все гастрономы теперь закрываются.

– Ишь ты, размечталась. Магазин ей продуктовый подавай, – заворчала худосочная старушка. – Откроют бар или бордель какой-нибудь, как это во всем городе делается, и будет всем нам веселье по ночам. А то, что они табличку повесили, что там якобы какая-то логическая или логотерапевтическая, тьфу ты, язык сломать можно, компания засядет, так то для прикрытия. Вот попомните мои слова.

Пока бабки спорили, к двухэтажному строению подрулил желтенький гламурный «Фольксваген Жук». Не став выключать двигатель, белокурая красавица обернулась и выжидающе посмотрела на своего пассажира – широкоплечего коротко стриженного мужчину. Мол, приехали, выходи. Но тот явно не спешил. Сидел, развалившись на заднем сиденье, и с наслаждением потягивал через соломинку морковный сок.

– ...И все-таки за баранкой того реанимобиля ты, определенно, смотрелась куда лучше, солиднее, что ли. Не то что за рулем этой гламурной «букашки», – довольно причмокнул губами мужчина.

– Слушай, Андрей. Прохлаждаться будешь в кафе, а не в салоне моего авто. К тому же у меня важные дела, – деловито заявила блондинка.

– Лора, я не виноват, что ты так гоняешь и привезла меня в конспиративный офис за десять минут до назначенной встречи с Дугиным, – справедливо заметил Ларин. – Кстати, давно хотел у тебя спросить. Зачем ты перекрасила волосы? Рыжий цвет тебе больше был к лицу.

– Имидж решила сменить. И вообще, с каких это пор ты стал интересоваться моей внешностью? – насторожилась женщина.

– Имидж ничто, напарница, а вот жажда – все! – ухмыльнулся Андрей и скомкал в кулаке пустой картонный пакетик из-под сока. – Так уж и быть. Езжай по своим делам. А я как-нибудь без тебя обойдусь, – и, сказав это, он выбрался из салона.

– Салют Павлу Игнатьевичу! – шепнула в приспущенное стекло Лора и дала по газам.

Немного потоптавшись на улице и понаблюдав за излишне любопытными старушками у подъезда, один из лучших агентов-антикоров скрылся за дверью с золоченой табличкой «логистическая компания ЭСКОРТГРУПП». А вскоре у здания, в которое только что зашел Ларин, припарковалась старенькая бежевая «Волга».

Глядя на этот допотопный автомобиль, который уже редко встретишь на российских дорогах, трудно было себе представить, что принадлежит он не кому иному, как Дугину – руководителю тайной организации по борьбе с коррупцией. Безусловно, он мог позволить себе пересест и на какой-нибудь «Майбах» или «Хаммер». Но принципиально этого не делал. Ведь старушка «Волга» ассоциировалась у него с той канувшей в Лету советской Россией, где, несмотря на авторитаризм власти, большинство чиновников все же зарабатывали на машину сами, а не тупо покупали за взятки и откаты, как это делают представители их профессии сейчас...

...На застекленной мансарде конспиративного офиса пахло свежесваренным кофе. Исходивший от него аромат дурманил и одновременно бодрил. Впрочем, к горячему напитку никто не притрагивался. Для Дугина и Ларина поднос с дымящимися чашечками был лишь фоном, декорацией, на которую можно было отвлекаться во время важного разговора.

– ...Павел Игнатьевич, может, наконец, объясните, как так получилось, что к отснятому нами с Лорой видео, появившемуся в Интернете, прибавилась сцена сожжения Чижа? – допытывался Андрей. – Это же дикость какая-то. Средневековье.

– Ты мне еще инквизицию с ведьмами на костре припомни. А если серьезно, то никто никого и не сжигал вовсе. Это все монтаж, спецэффекты. Да и подполковник живет всех живых, – признался в конце концов Дугин.

Сказать, что Ларин удивился – значит ничего не сказать. Ведь он был уверен, что начальник ОВД мертв.

– Ничего не понимаю, – прозвучало растерянное. – Я же своими глазами видел, как его снайпер уложил. И моя напарница видела.

– Не верь глазам своим, – ухмыльнулся Павел Игнатьевич. – Кстати, о том снайпере. Он один из нас и действовал тогда по моему указанию.

– Что-то вы меня совсем запутали, – наморщил лоб Андрей.

– Попробую разъяснить популярно, – Дугин поднялся с кресла и подошел к окну. – Я дал вам с Лорой конкретное задание – похитить Чиж, выбить из него покаянные показания, а потом казнить, записав все это на камеру. И вы практически со всем справились. Кроме одного – ни у тебя, ни у нее не хватило духа убить силовика. Я это предвидел, а потому заранее подстраховался – посадил на крыше снайпера. Он-то и сделал за вас «черную» работенку. Но выстрелил он не настоящей пулей, а усыпляющим дротиком, так как подполковник был нужен мне живым. Спросишь, почему в таком случае я приказал вам его казнить? Можешь считать – это было нечто наподобие экзамена, который вы, успешно провалив, тем не менее сдали на «отлично». Мне же палачи не нужны. Вот я лишний раз и убедился, что вы таковыми не являетесь. Как говорится, доверяй, но проверяй.

Подобные «экзамены» Павел Игнатьевич устраивал своим агентам регулярно. Не были исключением и Ларин с Лорой, хоть они и числились у него на хорошем счету. Казалось бы, зачем вновь и вновь проверять лучших из лучших, тех, кто уже доказал свою состоятельность и профессионализм? Но так уж было заведено в организации – не давать спуску никому. Поначалу Андрея такой подход раздражал, и он не раз высказывал Дугину свои претензии по этому поводу. Мол, что мне еще сделать, чтобы вы окончательно в меня поверили? Но со временем свыкся, принял правила игры. У Дугина всегда находился убийственный ответ: «Не забывай о том, что человеку свойственно перерождаться со временем. Слышал такой термин – перерожденец?» А потому сейчас Андрей воспринял услышанное как нечто должное, само собой разумеющееся.

– Зачетную книжку на подпись подавать надо? – не удержался и съязвил Ларин, но тотчас же взял серьезный тон. – Хорошо. Я понял. Но что вы собираетесь делать с Чижом? Он ведь уже отыгранная карта?

– Как сказать, – загадочно улыбнулся Павел Игнатьевич и сменил тему разговора. – Что ж, давай перейдем непосредственно к делу, к тому, чем тебе предстоит заниматься в ближайшее время.

– Я весь внимание, – оживился Андрей.

– Тогда слушай...

Дугин был, как никогда, многословен. А основной посыл его длинной речи сводился к одному – что переименование милиции в полицию ничего не дало, только смену вывески. Что правоохранительная структура России осталась такой же, как и раньше, – сверху донизу коррумпированной и бесчеловечной по отношению к простому народу. Что по-прежнему в среде блюстителей порядка считается не зазорным вымогать взятки, фальсифицировать административные и уголовные дела, привлекая к ответственности ни в чем не повинных граждан, организовывать с преступными элементами так называемый «совместный бизнес». Что по большому счету во всем этом виноваты не люди, идущие служить в органы, а сама система, способная из любого человека, даже самого благородного, сделать «оборотня в погонах». Ведь «с волками жить – по-волчьи выть». На этой поговорке Павел Игнатьевич и поставил точку. Впрочем, не точку, а запятую, так как, выдержав небольшую паузу, он продолжил:

– На первый взгляд бороться с этим бессмысленно и бесперспективно – все равно, что головой об стенку биться. Скорее, лоб расшибешь. И история знает тому примеры. Возьмем тех же эсеров, которые в царской империи бросили вызов полицмейстерам, начальникам тюрем и городовым. Взрывали и уничтожали их пачками. А привело это лишь к массовому террору против эсеров, – сделал небольшой экскурс в относительно недавнее прошлое руководитель тайной антикоррупционной организации. – Но давай не будем забывать, что в те времена не было Интернета с «Ю-тюбом» и социальными сетями. К тому же градус ненависти в обществе к правоохранителям сейчас гораздо выше, чем был тогда. Однако время дворян и богопомозанников ушло в прошлое. И в современной России правящие элиты более склонны прислушиваться к тому, что происходит в стране.

– Хоть убейте, но что-то я этого в упор не вижу, – заметил Ларин, уже догадываясь, куда клонит Дугин.

– И тем не менее процесс пошел. Так как в самых заоблачных властных кругах уже принято решение создать образцово-показательный ОВД, где не будут подвергать пыткам, брать на лапу... в общем, не делать всего того, чем занимаются сейчас наши так называемые полицейские, – интриговал Павел Игнатьевич.

На мгновение Ларин даже мысленно представил себе эту фантастическую картину. Светлые коридоры, по которым ходят подчеркнуто вежливые менты. В кабинетах сидят приветливые опера, которые перед тем, как начать допрос, непременно предложат задержанному чашечку чая, да еще при этом спросят: какого угодно – зеленого или черного? Потом непременно просветят задержанного насчет его прав. А если кто-нибудь, не дай бог, заикнется про взятку, они сильно обидятся и гордо заявят прямо в коварное лицо змею-искусителю: «Не беру! Отечеству служу!»

– Только не засмейся, – недовольно пробурчал Дугин – ему явно не нравилось то, что Андрей не воспринял его слова всерьез.

– Как тут не засмеяться, Павел Игнатьевич, – виновато улыбнулся Ларин. – Нет, конечно, я и сам был бы рад, чтобы такой Отдел внутренних дел появился. Но это невозможно. Даже теоретически.

– А что ты скажешь на то, что каждый кабинет ОВД, каждая служебная машина будут оборудованы видеокамерами, и все желающие смогут не только наблюдать на сайте МВД за деятельностью правоохранителей в режиме реального времени, но и откручивать запись по времени? – возразил Дугин. – Согласись, что в таких условиях вряд ли кто-то из правоохранителей позволит себе превысить служебные полномочия или взять тот же конверт с деньгами.

– Интересная задумка, – оценил креативный ход Андрей. – Только кажется мне, что менты, принимающие участие в этом эксперименте, долго не продержатся и при первом удобном случае переведутся в другие отделы, где подобные новшества еще не внедрили.

– Ничего страшного. На их место новые придут. Есть же среди блюстителей порядка и честные офицеры, которым никакие камеры не страшны, – с уверенностью в голосе проговорил Павел Игнатьевич. – Просеем их через сито честности, очистим зерна от плевел.

– Если не секрет, в каком ОВД сие удивительное действие происходить будет? – поинтересовался Ларин.

Дугин хитро прищурился.

– В том самом, которое возглавлял подполковник Чиж, – прозвучало неожиданное. – Но и это еще не все. Начальником обновленного ОВД станет наш человек.

– И кто же? – вскинул брови Андрей.

– Им будешь ты, – в который раз за сегодняшний день удивил своего агента Дугин.

Чего-чего, а такого поворота событий Ларин никак не ожидал. Тем паче, он смутно представлял себя в роли начальника, особенно ментовского. Хотя за время работы на тайную организацию по борьбе с коррупцией в кого ему только не доводилось перевоплощаться: и в крупного чиновника, и в монастырского послушника, и даже в олигарха. При этом его ни разу не раскололи – настолько убедительной и правдоподобной была его игра.

Андрей хотел было что-то спросить, но Павел Игнатьевич предвосхитил его вопрос:

– Ты даже не представляешь, сколько усилий, нервов и средств я истратил на то, чтобы «забить» это место за тобой. Даже с министром внутренних дел тет-а-тет общался... – тяжело вздохнул Дугин. – Ладно, все это лирика, – махнул он рукой. – В ближайшие дни тебе выдадут на руки новые документы. По ним ты станешь полковником Михаилом Ивановичем Правдеевым, человеком с чужой биографией и чужим послужным списком, имеющим репутацию честного и неподкупного офицера. При этом вывести тебя на чистую воду будет практически невозможно. Ведь твое фото, где ты изображен в кителе с полковничьими погонами, уже раз-

мещено в базе данных МВД. Там же находится и досье на тебя, в смысле на Правдеева. Это было относительно несложно, учитывая, что я занимаю довольно-таки высокую должность в Главке министерства.

– В полковничьем кителе? – округлил глаза Ларин. – Что-то не припомню, чтобы я позировал фотографу в таком прикиде.

– Фотошоп, – пояснил Дугин.

– Полковник Правдеев реально существовал?

– Он и теперь существует. Он член нашей организации. На время уступил тебе свою биографическую оболочку, согласился на подмену в электронной базе данных. Ну, а теперь, когда ты в курсе всех дел, даю тебе установку.

– Вы прямо как Кашпировский, – подался вперед Андрей.

– Круче, – глядя на остывший кофе, молвил Павел Игнатьевич. – Итак. Твоя миссия будет заключаться в следующем – в кратчайшие сроки перестроить систему работы всего Отдела, провести кадровые чистки, обновить штат, набрав на работу вменяемых и не коррумпированных сотрудников. В итоге у тебя должен получиться идеальный подмосковный ОВД, который я продемонстрирую своему руководству. А оно, в свою очередь, убедившись, что эксперимент удался, начнет внедрять систему видеонаблюдения за полицейскими и в других городах России. По крайней мере, я на это рассчитываю. Министр предварительно дал мне «добро».

Казалось бы, разговор на этом окончен. И мужчины могут разойтись. Но Ларин решил уточнить один момент:

– А работать я буду в одиночку?

На что Дугин посмотрел прямо в глаза своему агенту и загадочно улыбнулся. Что означает подобная улыбка, Андрей прекрасно знал.

– Возражения не принимаются. Так будет лучше для вас двоих, – только и сказал на прощание Павел Игнатьевич, пожимая Ларину руку.

Глава 5

В жизни каждого человека бывают и взлеты, и падения, и благоприятные периоды, и не очень. Но беда в том, что мы не можем заглянуть в будущее, даже в самое недалекое, и узнать, чего ожидать, к чему готовиться. Безусловно, можно обратиться к услугам потомственной гадалки или колдуньи. Но тут же возникает другой вопрос – а стоит ли верить их предсказаниям?

Наташа – невеста грузчика Алексея Сергиенко, верила. И еще как. А потому накануне свадьбы потащила своего жениха к одной цыганке. И не только потому, что хотела знать, как сложится их семейная жизнь. Но еще и по той причине, чтобы она сняла с ее суженого порчу, которую, по глубокому убеждению девушки, навела на Лешку его бывшая супруга, с которой он развелся год назад.

– Тот кошмар, что произошел с тобой в ОВД, – ее козни. Даже не перечь мне. Я видела страничку твоей экс-женушки в «Одноклассниках». Знаешь, в каких группах она там состоит? «Черная магия», «Вуду», «Сатанисты». А видел бы ты ее инфернальные фотки. Это же вылитая ведьма, демон во плоти. И после этого ты будешь мне говорить, что она ни при чем? – возмущалась Наташа, увлекая Алексея к цыганскому поселку.

– Дорогая, я согласен, что моя бывшая – необычный и во многом странный человек. И с первого взгляда ее можно принять за ведьму. Но это не так. Просто за несколько месяцев до нашего развода она стала готом, поддавшись дурному влиянию своей сумасшедшей подружки. Между прочим, на этой почве мы и рассорились. Видите ли, ей не понравилось, что я поставил вопрос ребром – либо семья, либо готы. Она выбрала последнее. Но это не повод обвинять ее в том, что она в отместку навела на меня порчу. Да и то, что стряслось со мной в ОВД, – банальный ментовский беспредел, и ни о какой магии тут речи быть не может, – пытался достучаться до невесты Сергиенко, эмоционально размахивая руками с загипсованными большими пальцами.

Но Наташа и слышать ничего не хотела.

– В гробу я этих готов видела, – фыркала она и неустанно повторяла одну и ту же фразу: – Ну, ничего, сейчас мы с тебя порчу снимем...

Но, как оказалось, никто никакой порчи на Сергиенко и не навел. По крайней мере, так сказала цыганка. Также «потомственная гадалка и колдунья» в одном лице сообщила молодым, что они будут жить долго и счастливо, нарожают кучу детей и все в таком духе. Правда, перед тем как отпустить их, предостерегла: «Вы выбрали неблагоприятный день для свадьбы. День, когда вашу женитьбу может омрачить одно неприятное событие, о котором вы будете помнить всю свою жизнь». И тут же запротиворечила сама себе: «Хотя может и не омрачить. Точно сказать не могу. По крайней мере, мои карты Таро не дают на это конкретного ответа».

Придя домой, взволнованная словами цыганки Наташа тут же собралась звонить в ЗАГС, чтобы перенести церемонию бракосочетания на какое-нибудь другое число. Но Алексей буквально вырвал из ее рук телефонную трубку – мол, что ты делаешь? Вспыхнул скандал. Как ни странно, но Сергиенко все же удалось убедить невесту, что менять планы из-за какого-то туманного и неоднозначного предостережения глупо и не практично. Ведь заказан уже и ресторан, и свадебное платье, и, в конце концов, гости приглашены...

...Погода стояла не ахти какая: моросил противный колючий дождь, дул холодный ветер. Но, несмотря на это, только что расписавшиеся Алексей с Наташей были на седьмом небе от счастья. Нарядные, они стояли под зонтиками на крыльце подмосковного ЗАГСа, весело смеялись, целовались, позируя фотографу и видеооператору. Затем молодожены под восторженные возгласы родни и друзей, а их с каждой стороны набралось немало, выпустили в небо бело-

снежных голубок и сели в шикарный арендованный лимузин. И свадебный кортеж, разукрашенный разноцветными ленточками, шариками, покатил по центральной улице города.

Спустя пару часов и Алексей с Наташей, и приглашенные гости уже сидели за П-образным столом в просторном ресторанном зале. Звенели бокалы-рюмки, со всех сторон то и дело доносились набившие оскомину крики «Горько!», а балагур-тамада устраивал различные конкурсы с песнями и плясками. Одним словом, свадьба пила и гуляла.

Но в самый разгар веселья музыка смолкла. Приугас свет. На маленькую сценку, еле волооча ноги, взобралась поддатая свидетельница. Девушку «штормило», бросало из стороны в сторону, но она кое-как собралась, взяла себя в руки и подошла к микрофону.

– Леха! – пьяновато пробормотала она, обращаясь к Сергиенко. – А ты знаешь, что твою невесту похитили? И похитители ждут тебя на улице, чтобы получить за нее выкуп. Так что, если ты хочешь вернуть свою возлюбленную – поспеши.

Заговорившийся с друзьями грузчик спохватился. Наташи и впрямь нигде не было видно. Что ж, пришлось принять правила игры. Да и, в конце концов, какая свадьба обходится без «похищения невесты» и последующего ее «выкупа»? Это традиция, а традиции нужно уважать.

Сергиенко выбрался из-за стола, покинул ресторанный зал и вышел на крыльцо. Так называемые «похитители», роль которых играли два старших брата Наташи, когда-то служившие в ВДВ, особо не прятались. Стояли на противоположной стороне улицы, садили из горла водку, заслоняя своими могучими плечами низкорослую невесту.

– Чего стоишь, жених? Давай к нам на переговоры! – дружно и задорно выкрикнули они.

Как только Алексей приблизился к десантникам и достал кошелек, чтобы оплатить «выкуп», они, как по команде, замотали головами.

– Ты чего, дружище? Какое бабло? Мы же теперь родственники, – широко улыбнулся старший брат Наташи.

– А знаешь, как между собой родственники дела решают? – подхватил младший и достал из-за пазухи «чекушку» водки. – Вот если выпьешь ее до дна – будем считать, что «выкуп» внесен. И мы вернем тебе невесту.

Отказывать новоявленным родственникам– вэдэвэшникам было бы неразумно – могли ведь и обидеться. Поэтому Сергиенко шумно выдохнул, запрокинул голову и стал насильно вливать себе в горло сорокаградусную.

– Давай, давай! – подбадривали его и десантники, и прятаясь за их спинами невеста.

Последние глотки дались Алексею с большим трудом – все-таки не каждый день ему доводилось пить залпом такое количество водки, да еще без закуски и запивона. Когда же «чекушка» опустела, а осиливший ее Сергиенко не выдержал и икнул, братья Наташи уважительно закивали, дескать, наш человек, и расступились. Выпущенная из «плена» невеста тут же повисла на шее у жениха и чмокнула его в щеку.

– Совет вам да любовь! – напутствовал старший брат Наташи.

– Хороший ты мужик, Леха, – положив руку на плечо Сергиенко, произнес младший. – За тобой наша сестренка будет как за каменной стеной. Кстати, она мне рассказывала, как ты того продажного мента вентилятором уделал. Уважаю! Настоящий боец. Тебе бы не грузчиком работать, а в ВДВ служить.

Внезапно идеалистическую картину единения и братания новоиспеченных родственников нарушил затормозивший у бордюра микроавтобус с тонированными стеклами, из которого высыпало шестеро бугаев в черных масках с прорезями для глаз, вооруженных короткоствольными автоматами. Их вполне можно было принять за бандитов, если бы не одно «но». На спине у каждого была нашивка с надписью «СОБР».

Они бесцеремонно схватили Алексея с Наташей, поволокли их к машине. Офигевшие от такого беспредела десантники было растерялись, но тотчас же вышли из оцепенения – бросились отбивать молодоженов. Завязалась драка. Вот только «драка» – это громко сказано. Так

как превосходящие в численности собровцы быстро утихомирили разошедшихся вэдвэшников. Старший брат Наташи, получив пару раз прикладом автомата по лицу, упал на тротуар. А вот младший, которому сразу с двух сторон и практически одновременно зарядили в челюсть, отлетел в кустарник. Правда, перед этим он все же успел выбить кому-то из бойцов СОБРа передний зуб. И этим кем-то оказался командир отряда быстрого реагирования – кареглазый старший лейтенант Статкевич.

Сплюнув на асфальт сгусток крови, старлей зло глянул на «отдыхающего» в кустах десантника, а потом перевел взгляд на загадочного типа в гражданском, который сидел рядом с водителем микроавтобуса. Хотя на нем и была черная маска, но его вряд ли можно было записать в ряды собровцев. Во-первых, без спецформы. Во-вторых, не вооружен. В-третьих, телосложением не вышел – слишком худощавый. И тем не менее, проводимой операцией руководил именно он.

– Берем этих двух братьев-акробатов? – спросил у него Статкевич.

На что странный тип в гражданском отрицательно покачал головой – мол, мне нужны только молодожены.

Сопротивляющимся и зовущим на помощь Алексею с Наташей накинули на головы матерчатые мешки, «упаковали» в салон микроавтобуса. Взревел двигатель – и машина с тонированными стеклами понеслась прочь.

Тем временем приглашенные на свадьбу гости продолжали веселиться, не подозревая, что случилось с главными виновниками торжества. Когда же дело дошло до танца молодоженов и тамада включил романтическую музыку, все смолкли и стали осматриваться по сторонам в поисках этих самых молодоженов. И в этот момент в зал ресторана ворвались окровавленные десантники в порванных костюмах. Публика ахнула. Даже прикорнувшая за столом свидетельница подскочила с кресла и недоумевающими пьяными глазами уставилась на двух братьев.

– Их похитили! – взревел раненым медведем старший брат Наташи, схватил с подоконника пустую бутылку из-под водки и разбил ее о свою башку.

– В каком смысле их? – захлопала накладными ресницами свидетельница, которая еще не совсем проснулась. – Мы же договаривались, что вы только невесту похитите.

– Дура, не мы ее похитили! А СОБР! Попишу гадов! – и обезумевший десантник принялся размахивать над головой, словно казак шашкой, зажатой в кулаке «розочкой».

– Эти уроды с собой еще и Лешку взяли! – стиснул окровавленные зубы его младший брат и разорвал на груди сорочку, под которой была пропитанная кровью и потом тельняшка...

...Лежа на прорезиненном коврикe между рядами сидений, с заведенными за спину руками, которые сковывают браслеты наручников, да при этом еще и с мешковиной на голове, трудно что-либо предпринять. Особенно когда сверху на твою поясницу давит своими ботинками собровец. Но что самое страшное – ты не знаешь, куда тебя везут, что с тобой сделают. Вдруг в придорожный лесок? Поставят к сосенке и расстреляют к чертовой матери, а труп в какую-нибудь канаву скинут, мусором сверху присыплют, и готова безымянная могилка.

Примерно так рассуждал сейчас Сергиенко. Но возникал закономерный вопрос – зачем все это СОБРу? У них что – других дел нету, как похищать среди бела дня молодоженов? Конечно же, есть. Хотя винить в происходящем одних лишь собровцев было не совсем правильно. Скорее всего, они тупо выполняли чей-то приказ. Вот приказал им кто-то из вышестоящих – мол, Алексей и Наташа являются особо опасными преступниками или даже террористами, которых надо немедленно задержать, бойцы отряда быстрого реагирования и взяли под козырек. Но кто отдал такой приказ? Кому насолил грузчик? Причем насолил настолько, что вместе с ним забрали и его жену?

Естественно, первым делом Сергиенко подумал на капитана Волошина. Других врагов у него не было. Да и мотив у того имелся – поквитаться с ним за изуродованное лицо. Но он тут же отмел этот вариант. Ведь, как знал Алексей, опер до сих пор лежит в больнице, залечи-

вает раны. А следовательно, ему сейчас не до этого. С другой же стороны, санкционировать нападение СОБРа мог его дружок – майор Петрогородцев, который таким образом решил отомстить за своего подчиненного. Однако на данный момент, когда и общественность, и пресса, и «шишки» из МВД внимательно следили за тем, что происходит в подмосковном ОВД, вытворить подобное новый начальник Отдела никак не мог. Наоборот, после всего случившегося ему кровь из носу нужно было продемонстрировать всем злопыхателям, а в первую очередь вышестоящему руководству, что он навел в своей новой «вотчине» порядок. Пускай покажут, временный. А потому похищение грузчика с женой явно не вписывалось в его планы. Тогда кто же спустил на них с Наташей «цепных псов»-собровцев?

И тут на весь салон зазвучало пафосное: «наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна...» Нет, это не водитель включил радиоманитола, решив послушать «Ретро-FM». То у странного типа в гражданском зарингтонил припевом из песни, или как сейчас принято говорить – саунд-треком к старому советскому фильму «Следствие ведут знатоки», навороченный смартфон. Но отвечать на входящий вызов он не стал – сбросил.

У Сергиенко моментально возникло чувство дежавю. А уже через несколько секунд он вспомнил, где слышал этот редкий рингтон раньше – в кабинете Волошина, когда на мобильник капитана позвонила его любовница. Следовательно...

– Так это все же ты, сука? – прошипел в мешковину Алексей и заворочался на коврике, пытаясь перевернуться на бок, но на его затылок тут же наступил ботинком кто-то из собровцев, давая тем самым понять, чтобы не дергался.

Тип в гражданском оскалился и снял маску. В зеркале заднего вида отразилось бугрящееся от швов лицо Волошина. Его добрая половина была сшита из пупырчатых лоскутков кожи. Пупырчатые они были потому, что их пересадили с ягодиц капитана. Увидев истинное лицо опера, которое до этого скрывала черная маска, и кареглазый командир группы СОБРа, и его бойцы настороженно переглянулись, кто-то даже передернул плечами – настолько отвратительным было зрелище. А шокированный водитель микроавтобуса, рядышком с которым и сидел Волошин, поспешил отодвинуться поближе к дверце.

– Удивлен, что я не в больнице? – прохрипел через плечо капитан, обращаясь к Сергиенко. – Так я ж раньше положенного выписался. Извини, что не сообщил. Сюрприз, понимаешь ли, хотел сделать. Но вижу – ты мне не рад. Ладно, я не обидчивый. Хотя как сказать... как сказать... – откровенно издевался он, упиваясь беспомощностью грузчика. – Кстати, поздравляю со свадьбой! Ну, и как принято говорить в таких случаях – желаю семейного благополучия. Между прочим, красивая у тебя супруга. Я бы с такой покувыркался. Одолжишь ее на пару деньков?

Благо, лежавшая в ногах у Алексея Наташа не слышала всего этого. Ведь она от испуга потеряла сознание ровно в тот момент, когда их с мужем запихивали в микроавтобус. Но девушка уже начинала ворочаться и вот-вот должна была прийти в себя.

– Послушай, капитан, – напряженно отозвался Сергиенко, вдруг взяв умеренный тон. – Тебе нужен только я. Поэтому давай не будем впутывать во все это мою жену. Не она же держала в руках тот вентилятор, – пытался он образумить Волошина, ощущая на своем затылке рифленую подошву ботинка. – И даже при всей моей ненависти к тебе я понимаю твоё желание отомстить. Но это наши разборки. Слышишь? Наши. Не ее. Да и не мне тебе говорить, что во время любой войны, а у нас с тобой война, солдаты не трогают стариков, женщин и детей. Будь же солдатом! Мужиком!

В салоне машины воцарилась гнетущая тишина. Даже кареглазый старлей со своими бойцами, которые лишь выполняли спущенный сверху приказ и не были посвящены в конфликт между Волошиным и Сергиенко, задумались над только что прозвучавшими словами. Задумался над ними и оперуполномоченный, к которому они, собственно, и были адресованы. Правда, ненадолго.

Проведя ладонью по изуродованному лицу, капитан нервно передернул пупырчатой щекой и с оскалом произнес:

– Прекрасная речь. Только меня она почему-то не тронула. Совершенно. К тому же я не хочу отпускать твою жену без свадебного подарка, – и он заерзал на сиденье, чувствуя, как затвердевает, цементируясь, у него в трусах возбуждающаяся плоть...

...На парковке перед зданием ОВД стоял лишь один микроавтобус с тонированными стеклами. За сдвинутой дверцей виднелись расположившиеся в салоне бойцы СОБРа. Масок на них уже не было. И на лицах совсем еще молодых ребят читалась усталость. Оно и понятно – время было уже позднее, двенадцать часов ночи, и всем им хотелось поскорее оказаться в теплых постелях.

Но ни водитель, ни кареглазый старлей Статкевич не спешили забираться в машину. Они стояли, облокотившись на капот, и нервно курили сигарету за сигаретой. При этом напряженно поглядывали на одно из окон третьего этажа ОВД. Оно было единственным на все здание, где горел свет. Вот только рассмотреть, что происходит за стеклом, было невозможно. Мешали плотно задернутые шторы.

– ...Ваня, вот скажи мне, – стряхивая пепел себе под ноги, в который раз спрашивал водителя старший лейтенант Статкевич, – какого лешего капитан с этими молодоженами в своем кабинете закрылся? Допрашивает? – И сам же отвечал. – Полночь же на дворе. Закрыл бы их в КПЗ, а утром на свежую башку приступил бы к допросу. Странно все это. Я уже не говорю про то, что ни этот мужик, ни его жена на наркоторговцев совсем не похожи.

– Не похожи, – согласился водитель и стал разминать прокуренными пальцами фильтр. – Но вы же сами слышали, что сказал наш дежурный – «только что из ОВД поступил звонок от майора Петрогородцева, который просит срочно оказать его оперу, капитану Волошину, содействие в задержании двух наркоторговцев». Вот мы и оказали.

– А может, и не Петрогородцев это звонил, а кто-то из его подчиненных, который себя за начальника ОВД выдал? – выдвинул неожиданную версию старлей и продолжил развивать свою мысль. – Ты же слышал, какой у них тут в Отделе беспредел и бардак творится. Так что такое вполне возможно.

– Хотите сказать, что кто-то без ведома майора воспользовался его служебным телефоном и вызвал нас, чтобы решить за счет СОБРа свои личные проблемы? – прищурился водитель.

Командир специального отряда быстрого реагирования втоптал окурок в асфальт, потянулся за очередной сигаретой, но в самый последний момент передумал закуривать.

– Не исключено, – зевнул в ладонь Статкевич. – Ладно, пора и по домам разъезжаться. В конце концов, мы свое дело сделали, выполнили. И если что-то с молодоженами случится, отвечать будем не мы, а капитан этот. Хотя чисто по-человечески мне их жаль – конечно, если они и в самом деле не наркоторговцы, а законопослушные граждане, которые в чем-то перешли дорогу оперу.

Хлопнули дверцы, и микроавтобус с собровцами укатил в ночь. А буквально через пару минут на парковку перед зданием ОВД зарулила «Волга». Из автомобиля выбрался широкоплечий коротко стриженный мужчина в мундире с погонами полковника. Полицейская форма неплохо смотрелась на Андрее Ларине, бывшем наро-фоминском оперативнике, органично и была ему очень даже к лицу.

Отметив взглядом одно из окон на третьем этаже, сквозь плотно задернутые шторы которого едва пробивался бледный желтый свет, Ларин зашел в здание. Несший ночное дежурство за стеклянной перегородкой млажавый сержант при виде старшего по званию тотчас же подскочил со стула и козырнул.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – отчеканил он.

Андрей вяло махнул рукой – мол, садись. Затем подошел к перегородке, нагнулся и просунул голову в окошко. Причем сделал это настолько быстро и резко, что сержант не успел выключить развернутую на весь экран жидкокристаллического монитора компьютерную игру «Сапер».

– Какой уровень сложности выбрал? – вместо того, чтобы отчитывать младшего по званию за развлечения на рабочем месте, поинтересовался Ларин.

Сержант даже растерялся. Заерзал на стуле и, заикаясь, с трудом выдавил из себя:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.